

НИТЬ,
СПЛЕТЁННАЯ
ИЗ
ТУМАНА

Ангелина
Ильина

18+

Ангелина Ильина

КНИГА ПЕРВАЯ: «НИТЬ, СПЛЕТЁННАЯ ИЗ ТУМАНА»

<https://litres.ru/74191557>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где туман пахнет углём и старой кровью, одна девушка видит то, что скрыто от других.

Мартиша Вильфрид — единственная теплокровная студентка Академии Демонического Искусства. Она не просила видеть нити, связывающие души людей. Не просила слышать Песню, которая рвётся из горла и разрушает ткань реальности. Не просила, чтобы древний девятихвостый демон, директор Академии, ждал её пятьсот лет.

Но когда из мира по ту сторону тумана приходит Тень, чтобы забрать её душу, а пропавший три года назад брат оказывается якорем для бреши между мирами, Мартише предстоит сделать выбор: стать оружием — или остаться человеком. Платить памятью за каждое плетение. Прощать врагов, которые когда-то были отцами. И любить того, кто одновременно и тьма, и свет.

Потому что нить, сплетённая из тумана, — это не только связь между мирами. Это связь между теми, кто не боится любить в мире, где любовь — самое опасное заклинание.

Ангелина Ильина

КНИГА ПЕРВАЯ:

«НИТЬ, СПЛЕТЁННАЯ ИЗ ТУМАНА»

ГЛАВА 1. СЕРЫЙ ГОРОД, КОТОРЫЙ ПАХНЕТ УГЛЁМ

Логтирс не просыпался. Он выползал из-под одеяла ночи неохотно, как старый пёс, которого пнули сапогом в бок.

Серое небо висело над городом низко-низко, такое плотное, что казалось — протяни руку, и пальцы утопнут в нём, как в густой сметане. Дождь не шёл. Он существовал. Висел в воздухе взвесью, мелкой, противной, от которой волосы прилипали к щекам, а воротник куртки становился тяжёлым, как цепь на шее у каторжника.

Мартиша шла по мостовой, и каждый её шаг отдавался в лужах глухим, чавкающим звуком. Булыжники здесь были старые, неровные, с щелями, в которых копилась чёрная вода. Где-то в переулках хрипло каркала ворона — или не ворона. В этом городе с утра до ночи никогда не знаешь, кто смотрит на тебя с карниза.

Она втянула голову в плечи, пытаясь спрятать шею от холодного ветра, который пробирался под воротник, как живое существо. Пальцы в старых перчатках — тех самых, что продувались насквозь — потеряли чувствительность ещё на полпути к мосту. Левая перчатка, та, где на среднем пальце была дырка, зашитая грубой ниткой, цеплялась за всё: за край сумки, за пуговицу пальто, за собственные мысли.

В сумке — конспекты по демонологии, перо с чернильницей, кусок чёрного хлеба, завёрнутый в промасленную бумагу. Хлеб был вчерашний, чёрствый, но она знала, что к обеду он станет мягче, если положить его в карман, ближе к телу. В кармане — три медных монеты, которые она заработала вчера в таверне. В голове — список дел, длинный, как её жизнь, и такой же бесполезный:

Первое. Не опоздать на лекцию старшего Вольранга. Он в прошлый раз поставил ей «неуд» за то, что она посмотрела ему в ауру и сказала, что он боится собственной тени. Буквально.

Второе. Забрать чистый передник из прачечной. Вчерашний пропах элем и жареным луком, а сегодня — выходной. Выходной — это значит шаль. Выходной — это значит Наоми.

Третье. Купить новые перчатки. Старые продуваются, а к вечеру в таверне от них не остаётся ничего, кроме дыр.

Она остановилась на середине моста. Ветер дунул в лицо, принёс запах реки — тухлой, железистой, с нотками чего-то

сладковатого, что она не могла назвать. Рука сама потянулась к карману, где лежал сложенный вчетверо пергамент. Письмо матери. Три месяца назад она написала его, но так и не отправила.

Что она могла написать? «Всё хорошо»?

Это была бы ложь. Но она говорила её уже три месяца, с тех пор, как приехала сюда, в Логтирс, и эта фраза стала такой же привычной, как серый туман за окном.

Всё хорошо.

Она не спит по ночам. Она видит сны, которых не должна видеть. Она слышит голоса, которые зовут её именем, которое ей не принадлежит.

Всё хорошо.

Мартиша сунула руку глубже в карман, пальцы сжались вокруг пергамента так сильно, что бумага хрустнула. Она знала, что если вытащит его сейчас — если развернёт и прочитает своё же враньё — то не сможет идти дальше. А идти надо. Всегда надо.

Она убрала руку из кармана и пошла дальше. Мост заканчивался, и впереди, сквозь пелену дождя, проступали они — чёрные кованые ворота Академии Демонического Искусства.

Высокие, как рёбра какого-то мёртвого зверя, со шпильями, которые терялись в облаках, и с горгульями на углах, которые, клянусь, поворачивали головы, когда ты проходил мимо. Она видела это. Не ауры — нет, она старалась не смот-

реть. Но краем глаза, периферийным зрением, которое предавало её каждый раз, она чувствовала: каменные твари дышали в такт городу. Медленно. Тяжело. Как спящие хищники, которые ждут, когда добыча сама подойдёт ближе.

Она остановилась перед воротами, как останавливалась каждый день уже три недели. И, как каждый день, почувствовала, как желудок скручивается в тугий узел.

Это место не приветствовало гостей. Оно их проглатывало. Медленно. С чавканьем.

Мартиша провела ладонью по лицу, размазывая капли дождя по щекам. Она знала, что выглядит жалко: мокрые волосы прилипли к вискам, белое платье — эта проклятая униформа, которую она ненавидела каждой клеточкой кожи — стало полупрозрачным от влаги, а на правом рукаве, там, где вчера зацепилась за гвоздь, уже расплзлось бурое пятно.

Держись, Тиша, — сказала она себе мысленно. Ещё один день. Ещё одна лекция. Ещё один час.

Она сделала шаг вперёд.

— Смотри под ноги, «тепловая».

Голос раздался слева. Она обернулась.

Парень с серебристыми волосами, зачёсанными назад с педантичной точностью, стоял, прислонившись к столбу, и смотрел на неё с тем выражением, которым смотрят на пятно, которое не отстирывается. Его плащ — мокрый, тяжёлый, с маслянистым блеском — был расстёгнут наверху, и Мартиша видела, как под тонкой тканью рубашки проступа-

ют острые ключицы. Клыки чуть длиннее, чем положено человеку. Он улыбался — или скалился. В этом городе разница была тонкой.

— Здесь не прачечная, чтобы ходить в таком тряпье, — произнёс он, проходя мимо.

Его плечо жёстко врезалось в её, оставляя на белом платье грязное, маслянистое пятно. Мартиша почувствовала, как ткань пропитывается чем-то холодным и липким. Она не стала оборачиваться. Не стала отвечать. Просто сжала ручку сумки так, что костяшки пальцев побелели.

Вокруг послышался тихий, злобный смешок. Сотни глаз — студентов, которые толпились у ворот, как стая голодных ворон, — уставились на неё. Она почувствовала, как кровь приливает к лицу. Не от стыда. От злости.

Она была здесь чужой. Единственным теплокровным существом в этом муравейнике хищников. И самым заметным.

Белое платье. Чистое, накрахмаленное, с высоким воротником, подпирающим подбородок, и длинными рукавами, застёгнутыми на множество мелких пуговиц. Оно казалось ослепительно ярким на фоне мокрого булыжника и серых, покрытых копотью стен. Эта униформа была символом чистоты, непорочности и... полной незащитности. Здесь, среди теней, она выглядела как свежая рана на теле монстра. Как мишень.

Мартиша опустила голову, пытаясь спрятать лицо за мокрой прядью волос. Её пальцы сами собой сжались в кулаки.

Ногти впились в ладони — сквозь дырявую перчатку. Она считала: раз, два, три. На «три» она всегда могла заставить себя идти дальше. На «три» она всегда могла притвориться, что не видит.

Но сегодня — сегодня было сложнее.

Потому что стоило ей моргнуть, и мир вокруг вспыхивал красками, которых не существовало в природе. Она не просила об этом. Не училась. Просто — видела. С рождения.

Ярко-алый всполох слева — парень с золотыми волосами смеялся, показывая идеальные зубы, но что-то в его плечах, в том, как он сжимал кулаки, кричало о ярости. Болезненно-зелёное мерцание справа — девушка с фарфоровым личиком и локонами цвета спелой пшеницы смотрела на подругу, и уголки её губ были опущены так низко, что Мартише физически захотелось провести по ним пальцем и поднять вверх.

Она зажмурилась. Раз. Два. Три.

Когда открыла глаза, стало только хуже. Её белая одежда казалась магнитом для всех этих грязных, колючих энергий. Они липли к ткани, оставляя невидимые, но ощутимые пятна. Она чувствовала их кожей — как лёгкое покалывание, как электричество перед грозой.

Ей хотелось сказать этому серебряноволосому всё, что она думает о его манерах. Хотелось сказать, что его улыбка не достигает глаз. Что его плечи напряжены так, будто он ждёт удара в спину. Что он боится — не её, нет, — а того, что она

увидит в нём то, что он прячет от всех.

Но язык предательски онемел.

— Мисс Вильфрид?

Этот голос не был громким. Он был тихим, бархатистым, но от него по спине пробежал такой холод, что волосы на затылке встали дыбом. Не от страха — от чего-то другого. От ощущения, что воздух вокруг внезапно стал плотнее, как перед грозой, когда небо опускается так низко, что кажется — протяни руку, и пальцы упрутся в облака.

Смех мгновенно оборвался. Толпа студентов расступилась, словно вода перед носом корабля, образуя идеальный, пугающе ровный коридор.

Она подняла голову.

На верхней ступени главного крыльца стоял он. Корнелиус Ангерсти. Директор.

Даже на расстоянии она увидела это. Не ауру — нет, она старалась не смотреть. Но что-то в нём было... неправильным. Слишком неподвижным. Слишком... пустым. Как будто пространство вокруг него работало иначе. Как будто он был не человеком, а дырой в ткани мира, которая втягивала в себя свет, звуки, сам воздух.

Его фиолетовые глаза, холодные и неподвижные, бурили её насквозь. Она почувствовала себя прозрачной. Будто он видит не просто её одежду или лицо, а каждую её мысль, каждый страх, каждую ложь, которую она когда-либо говорила.

Он начал спускаться. Медленно. С грацией хищника, который знает, что добыча никуда не денется, потому что бежать некуда.

Тук. Тук. Тук.

Стук его трости из чёрного дерева с серебряным набалдашником о мокрый камень отдавался в её висках, синхронизируясь с бешеным стуком сердца. Мартиша считала шаги. Раз. Два. Три. На «три» она должна была заставить себя не отступить. Не опустить глаза. Не показать, что боится.

Он остановился в шаге от неё. Теперь она могла разглядеть детали: безупречный крой тёмного фрака, бледность кожи, похожей на мрамор, и вертикальные зрачки, которые слегка расширились, когда он посмотрел на неё.

От него пахло старой бумагой, озоном после грозы и чем-то сладковато-приторным, напоминающим увядшие лилии на могиле. Запах был тяжёлым, обволакивающим, как старый плед, который долго лежал в сундуке с травами.

— Вы опаздываете на три минуты и двенадцать секунд, — произнёс он. Его голос был ровным, без единой эмоции.

Страх был липким и противным, скользящим по коже. Но где-то глубоко внутри, там, где жила та часть её, которая выживала на улицах Логгирса, зажглась искра упрямства.

Мартиша сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она чувствовала, как дырка в перчатке цепляется за ткань, как холодный ветер пробирается под воротник, как капли дождя стекают по шее, попадая за воротник платья. Она чув-

ствовала всё — и это было её оружие.

— Карета сломалась на мосту, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — И... ваш декоратор плохо видит в темноте. Фонари у ворот не горят уже неделю. Это небезопасно. Даже для таких, как вы.

Повисла мёртвая тишина.

Кто-то из студентов тихо ахнул. Мартиша услышала, как чьи-то пальцы сжали край плаща — ткань зашуршала. Кто-то побледнел так, что стал почти прозрачным. Она видела это краем глаза — не ауры, нет, она старалась не смотреть, — но то, как люди отступали на шаг, как отворачивались, как прятали руки в карманы.

Корнелиус не моргнул. Но уголок его губ дрогнул. Едва заметно. Это была не улыбка. Это была усмешка энтомолога, который нашёл жука с необычной окраской.

В его глазах мелькнула искра. Не гнева. Интереса. Холодного, расчётливого, опасного интереса.

— Смелость или глупость, мисс Вильфрид? — тихо спросил он, делая ещё один шаг. Теперь он нависал над ней, заставляя серое небо. — В этой Академии они часто идут рука об руку, приводя к одному концу.

Он наклонился ближе. Его дыхание было ледяным, обжигающим щёку. Она чувствовала запах лилий сильнее — теперь он заполнял всё, вытесняя воздух, запах дождя, запах её собственного страха.

— Вы видите то, чего не должны видеть, — прошептал он

так, что слышала только она. — Вы чувствуете то, что другие прячут веками. Помните об этом. Здесь каждая тень имеет зубы, и большинство из них жаждут вашей крови. Не потому, что вы человек. А потому, что вы — зеркало, в которое они боятся заглянуть.

Мартиша сглотнула. Горло было сухим, как наждачная бумага. Она хотела ответить — хотела сказать, что не просила быть зеркалом, что не просила видеть то, что другие прячут, что она просто хочет закончить Академию, вернуться домой, написать матери, что всё хорошо.

Но слова застряли в горле.

Он выпрямился и хлопнул в ладоши.

Звук был резким, как выстрел. Эхо разнеслось по двору, заставляя вздрогнуть даже самых смелых.

— Добро пожаловать в Ад, дети, — произнёс он громко, обращаясь ко всем, но глядя только на неё. — А теперь — в классы. У нас много работы. И мисс Вильфрид...

Он бросил на неё последний взгляд, полный обещания тайн.

— Постарайтесь оставаться чистой. Хотя бы сегодня. Грязь с души смыть сложнее, чем с ткани.

Он развернулся и пошёл вверх по ступеням, его чёрный плащ развевался за спиной, словно крылья огромной птицы.

Мартиша стояла, не двигаясь. Её сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Но странное дело — страх, который минуту назад сжимал её грудь, теперь сменился чем-то другим.

Любопытством.

Он знает, — подумала она. Он знает, что я вижу. И ему это... интересно?

Толпа снова сомкнулась, но теперь уже с другой энергией. Страх сменился любопытством. К ней подошла та самая девушка с зелёными локонами. Её аура — нет, Мартиша поправила себя, её плечи, её осанка, то, как она сжимала пальцы — всё ещё сочились завистью, но теперь в них примешивалось нечто новое — осторожность.

— Ты действительно видела, что фонари не горят? — спросила она, прищурившись. — Или просто болтаешь, чтобы впечатлить Директора?

Мартиша медленно повернула голову. Посмотрела на девушку. На её ауру — нет, на её лицо. На то, как она теребит прядь волос, как избегает смотреть прямо в глаза, как её кадык ходит вверх-вниз, когда она сглатывает.

— Я вижу многое, — ответила она, стряхивая грязное пятно с плеча. Оно не отстирывалось. Оно въелось в ткань, как печать. — Например, то, что ты боишься своего отражения.

Девушка побледнела и отшатнулась, словно её ударили. Её пальцы сжались на краю плаща так, что ткань зашуршала. Вокруг послышался шёпот.

Мартиша не стала ждать продолжения. Подхватив сумку, она направилась к огромным дубовым дверям Академии. Внутри пахло воском, старой древесиной и чем-то металли-

ческим, напоминающим кровь.

Она переступила порог.

И не знала, что только что сделала первый шаг в мир, из которого нет возврата.

ГЛАВА 2. СВИТКИ, КОТОРЫЕ КУСАЮТСЯ

I. Утро, которое пахло хвоей и ложью

Я проснулась от того, что подушка пахла хвоей.

Нет. Не хвоей. Чем-то старым. Холодным. Тем запахом, что остался на мне после сна — сна, который я не помнила, но кожа моя помнила каждую секунду. Как будто я не спала в своей комнате на чердаке пансиона миссис Хэвен, а провела ночь в заброшенном храме, окружённом мёртвыми вишнями и туманом, который дышал.

Я открыла глаза.

Потолок был обычный. Треснувший. С пятном в форме какого-то не то острова, не то животного — я каждое утро разглядывала его, и каждое утро оно казалось мне чем-то новым. Сегодня — похоже на разорванное крыло.

Значит, я в Логтирсе. Значит, это был сон.

Наверное.

Я села на кровати. Сердце колотилось где-то под рёбрами, как пойманная птица. Руки дрожали. И — клянусь — кожа помнила. Помнила чей-то взгляд. Золотые глаза с вертикальными зрачками. Шрам на левой щеке. Девять хвостов, кото-

рые медленно, словно живые, покачивались в полумраке.

Я провела ладонью по лицу. Щёки горели.

— Мартиша, — прошептала я в пустоту. — Ты серьёзно? Древний дух из какого-то сна. А ты... ты даже не помнишь его имени.

Пустота не ответила. Она вообще была на редкость бесполезным собеседником. Только за окном, где-то далеко, хрипло каркала ворона — или не ворона. Только в Логтирсе даже птицы не были тем, чем казались.

Я встала. Подошла к умывальнику. Пустила воду — тонкую, ржавую, пахнущую железом. Подставила лицо под струю. Холодная. Живая. Настоящая. Капли скатывались по щекам, оставляя за собой дорожки, похожие на слёзы. Но я не плакала. Я просто умывалась. Пыталась смыть с себя сон.

Потом посмотрела в зеркало.

И увидела это.

На моём лбу — между бровями — был тонкий, едва заметный след. Как от прикосновения. Как от поцелуя. Но не человеческого. Слишком лёгкий. Слишком... чужой.

Я провела пальцем по следу. Он не стирался. Не размазывался. Как будто он был внутри кожи. Не на ней.

Я попробовала мылом — тем самым, жёлтым, кусковым, которое миссис Хэвен называла «прачечным». Потом — уксусом, который нашла на полке среди пузырьков с просроченными лекарствами. Потом — тёрла так сильно, что кожа покраснела, стала горячей, болезненной.

Ничего.

След светился. Тонким, серебристым светом. Как нить. Как та самая, которую я видела во сне.

Я посмотрела на руки.

И замерла.

На подушечках пальцев — ожоги. Маленькие. Красные. Как от прикосновения к раскалённому металлу. Как от свитков, которые...

Свитки.

Я закрыла глаза. В памяти всплыл храм. Пыль. Воск. Свеча, которая не гасла, хотя вокруг дул ветер. Какой-то маленький дух, который сидел на столе и болтал ногами. И свиток, который укусил меня так, что я вскрикнула.

Это был сон.

Но ожоги — настоящие.

Я поднесла пальцы к свету, пробивавшемуся сквозь грязное окно. Ожоги пульсировали. В такт моему сердцу. Как будто свитки, которые меня укусили, оставили внутри меня что-то живое. Что-то, что теперь росло.

— Отлично, — пробормотала я своему отражению. — Просто отлично. Теперь я не только теплокровная уродина в Академии демонов. Теперь я ещё и ходячий светящийся знак. С ожогами. И со следом на лбу.

Отражение молчало. Оно вообще было на редкость бесполезным собеседником. Только глаза — мои глаза — смотрели на меня с какой-то новой, пугающей глубиной. Словно

за ними стоял кто-то ещё.

Я оделась. Белое платье — холодное, накрахмаленное, как броня. Волосы — в тугой пучок, так, что виски натянулись. След на лбу — не спрятала. Он был слишком яркий для этого. Пришлось надеть чепчик. Тонкий, белый, с кружевами, которые миссис Хэвен называла «монашескими».

Миссис Хэвен, хозяйка пансиона, наверняка будет ругаться, что я выгляжу как монашка-неудачница. Но мне было всё равно.

Я вышла из комнаты. Лестница скрипнула под ногами — каждую ступеньку я знала наизусть, каждую её песню. Внизу пахло жареным луком и чем-то, что миссис Хэвен называла «горячим питьём», но что на самом деле было горячей водой с привкусом цикория и отчаяния.

— Тиша! — рывкнула она из-за стойки, не поднимая глаз от книги. — Ты чего в чепчике? У нас тут не монастырь!

— У меня голова болит, — соврала я. — От сквозняка.

— Ага, — она прищурилась, наконец подняв взгляд. Её глаза были маленькими, чёрными, как бусины, и такими же острыми. — От сквозняка. В июле.

— Именно.

Она фыркнула. — Иди уже. И постарайся не вернуться с новыми синяками. В этом городе и так слишком много крови.

Я кивнула и вышла на улицу.

II. Улица, которая стала другой

Дождь не шёл. Он висел в воздухе, как всегда. Серый, мелкий, противный. Я шла по мостовой, и каждый мой шаг отдавался в лужах глухим, чавкающим звуком. Булыжники были скользкими, покрытыми чёрной слизью, которая, клянуясь, шевелилась под ногами.

И — видела.

Нити.

Они были везде. От каждого прохожего. От каждого дома. От каждого фонаря. Они переплетались, как паутина, создавая единую ткань города.

Раньше я видела только ауры. Цветные пятна эмоций вокруг людей. Но теперь — больше. Я видела связи. Тонкие, серебряные, золотые, красные, чёрные нити, которые тянулись от каждого человека. Они шли вверх, в небо, в землю, в стороны. Они связывали людей друг с другом, с домами, с городом.

Я остановилась посреди моста. Посмотрела на свои руки.

И увидела свою нить.

Она была белой. Тонкой. Но внутри неё — чёрная. Тонкая, как волос, но отчётливая. Она тянулась от моего лба — от того самого следа — куда-то вдаль. В небо. В туман.

В тот мир.

Я моргнула. Потерла глаза. Нить не исчезла.

Я прислонилась спиной к холодным перилам моста. Колени стали ватными.

— Давай по порядку, — прошептала я сама себе. — Ты

сошла с ума. Или ты не выпалась. Или ты...

Я не закончила.

Потому что в этот момент — рядом со мной — появился он.

Маленькая тень. Детская. С розовыми рожками.

Пугак.

Он сидел на перилах моста, болтал ногами и смотрел на меня большими карими глазами. Колокольчик на его шее звенел тихо, как будто он сам боялся его разбудить.

— Привет, — сказал он.

Я замерла.

Посмотрела вокруг. Люди проходили мимо. Старуха с корзиной. Торговец с телегой. Двое студентов в мокрых мундирах. Никто не оборачивался. Никто не смотрел на маленького мальчика с рожками, который сидел на перилах моста в центре Логтирса.

— Ты... — начала я.

— Я тебя предупредил, — он прыгнул с перил. Упал на брусчатку беззвучно, как пёрышко. — Ты — видящая. Ты видишь меня. Здесь. В твоём мире.

— Но... это невозможно.

— Почему?

— Потому что ты — дух. Ты — там. В мире по ту сторону тумана. А я — здесь. В Логтирсе.

Пугак пожал плечами. — Граница тонкая. Очень. После того, что ты сделала вчера — она стала ещё тоньше. Теперь

я могу проходить. Иногда.

— Что я сделала вчера?

— Ты пела, — он посмотрел на меня серьёзно. Совсем не по-детски. В его карих глазах было что-то древнее, что-то, что не соответствовало его маленькому росту. — Ты пела песню, которую не знала. И эта песня — открыла дверь. Не полностью. Но — приоткрыла.

Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги.

— Я... открыла брешь?

— Не брешь, — он покачал головой. — Просто... трещину. Маленькую. Но через неё — я могу проходить. И другие — тоже.

— Какие другие?

Он не ответил. Только посмотрел в сторону. В туман. Там, где кончались крыши Логтирса и начиналась серая, зыбкая пустота.

— Пугак, — я шагнула к нему. — Какие другие?

— Те, кто слышал твою песню, — тихо сказал он. — И захотели прийти.

Я закрыла глаза.

В голове крутилось: «Я просто пела. Я просто стояла на сцене. Я просто...»

— Что мне делать? — прошептала я.

Пугак подошёл ближе. Положил маленькую тёплую ладонь на мою руку. Его пальцы были крошечными, но от них шло такое тепло, что мне захотелось заплакать.

— Не бойся, — сказал он. — Пока — трещина маленькая. Я могу её... присматривать. Но ты должна быть осторожна. Не пой больше. Не сейчас.

— Но... я не знаю, как перестать. Она... она приходит сама. Песня. Она живёт во мне.

Пугак посмотрел на меня. Долго. В его карих глазах было что-то новое. Не страх. Сочувствие.

— Тогда, — сказал он тихо, — тебе нужно научиться её контролировать. Иначе — она контролирует тебя.

Он отступил на шаг. Колокольчик звенел.

— Я приду снова, — сказал он. — Когда трещина станет больше. Или — когда ты будешь готова.

— Готова к чему?

— К тому, чтобы увидеть его.

— Кого?

— Того, кто смотрел на тебя в лесу, — прошептал он. — Того, кто ждёт тебя.

И — исчез.

Растворился в тумане. Как будто его никогда не было. Только колокольчик ещё звенел где-то в воздухе — тихо, печально, как прощание.

Я стояла посреди моста. Одна. С белой нитью, которая уходила в небо. И с чёрной — внутри.

И с пониманием, что моя жизнь только что перестала быть моей.

III. Академия, или Как я научилась не смотреть на

НИТИ

Аудитория встретила меня тем же, чем вчера — двумя сотнями пар глаз и запахом воска, старой древесины и чего-то металлического. Но сегодня — всё было иначе.

Я шла к своему месту на первом ряду — тому самому, рядом с Лиамом — и видела всё.

Нити.

Они были везде. От каждого студента тянулись серебряные, золотые, красные, чёрные нити. Они переплетались, как паутина. Некоторые — шли к соседям. Некоторые — вверх, в потолок. Некоторые — вниз, в пол.

И самая страшная — моя.

Белая. С чёрной внутри. Она тянулась от моего лба — от того самого следа — куда-то вверх. Сквозь потолок. Сквозь крышу Академии. В небо.

Я старалась не смотреть на неё. Но глаза сами возвращались. Как будто она звала меня.

— Эй, Ворона, — голос Лиама вырвал меня из оцепенения. — Ты сегодня какая-то... задумчивая.

Я села рядом. Он посмотрел на меня — прищурился.

— Что случилось?

— Ничего, — я постаралась, чтобы голос не дрогнул. — Просто... не выпалась.

— Ага, — он не поверил. Я видела это по тому, как он сжал пальцы на краю парты. — Потому что твоя аура сегодня... странная.

Я замерла. — Что значит «странный»?

— Она... пульсирует, — он нахмурился. — Как будто внутри тебя — два ритма. Один — твой. Вторым —... чужой.

Я сглотнула. — Может, я заболела.

— Может быть, — он пожал плечами. Но не отвёл взгляд. — Но если что — скажи мне. Я... разбираюсь в таких вещах.

— В каких?

— В тех, которые лучше не показывать директору, — он подмигнул.

Я хотела ответить. Но в этот момент — дверь аудитории распахнулась.

И вошёл он.

Корнелиус Ангерсти.

Его аура — чёрная дыра, как всегда — вошла в зал, как цунами. Все нити — все до единой — дрогнули. Отклонились. Как трава перед ветром.

Но моя — моя нить — не отклонилась.

Она — продолжала тянуться вверх. В небо. В мир по ту сторону тумана. Как будто чёрная аура Корнелиуса — не имела над ней власти.

Корнелиус остановился. Посмотрел на меня.

И я увидела — увидела — как его фиолетовые глаза сузились. Как будто он заметил. Как будто он почувствовал.

Он не сказал ни слова. Просто — кивнул. И прошёл к кафедре.

Но я знала.

Он знает.

Он знает, что со мной что-то не так. Он знает, что моя аура изменилась. Он знает — больше, чем говорит.

Лекция началась. Старший Вольранг говорил о «первичных эманациях» и «слоях ауры». Его голос был монотонным, как стук метронома. Но я не слушала. Я смотрела на нити.

И вдруг — я увидела это.

От Корнелиуса — от его чёрной ауры — тянулась нить. Тонкая. Красная. Она шла... ко мне.

Я замерла.

Она была слабой. Почти невидимой. Но — настоящей. Она тянулась от его груди — от самого центра его ауры — прямо к моему лбу. К тому самому следу.

Я моргнула. Потерла глаза. Нить не исчезла.

— Что... — прошептала я.

Лиам посмотрел на меня. — Что?

— Ничего, — я отвела взгляд. — Просто... голова болит.

Но я знала.

Корнелиус — связан со мной.

И этот след на моём лбу — его работа.

Я провела пальцем по следу. Он пульсировал в такт с красной нитью. Как сердце. Как обещание.

И я поняла — я вляпалась. По-настоящему.

ГЛАВА 3. ТОТ, КТО НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ УЛЫБАТЬСЯ

СЯ

I. Полдень, или Как я научилась есть рагу, которое не пытается меня сожрать

Столовая встретила меня тем же, чем вчера — запахом специй, чего-то металлического и двумя сотнями пар глаз, которые теперь смотрели на меня с интересом.

Интерес — это хуже, чем презрение. Презрение — понятно. С ним можно работать. Интерес — это когда ты как насекомое под микроскопом. И никто не решает, препарировать тебя или просто посмотреть.

Я нашла свободное место в самом конце зала, у окна, за которым висел серый туман. Села. Заказала рагу из теней.

Рагу из теней.

Звучит как название дешёвого романа, который я бы прочитала в четырнадцать, чтобы пощекотать нервы. На самом деле — это чёрная жижа, в которой плавали кусочки мяса непонятного происхождения и фиолетовые корни. Запах был пряным, но слегка отдавал озоном.

— Не советую есть ложкой, — раздался голос справа.

Я обернулась. Рядом сел Лиам. Тот самый демон, которому я помогла вчера на лекции.

— Почему? — спросила я, держа ложку на весу.

— Потому что оно может укусить, — серьёзно ответил он.

— Тени в рагу иногда бывают живыми. Лучше макать хлеб.

Он протянул мне корзину с чёрным хлебом. Я неуверенно отломил кусок и макнула его в жижу. Кусочек действи-

тельно дёрнулся, но потом успокоился. Вкус был странным — горьковатым, с нотками чего-то дымного и сладкого одновременно. Как будто в рагу добавили мёд и пепел.

— Спасибо, — сказала я. — За хлеб. И... извини за вчера. Я не хотела выставить тебя слабым.

Лиам пожал плечами. — Ты спасла меня от позора. Если бы я потерял контроль, меня бы отправили в Изолятор. А оттуда мало кто возвращается прежним. Так что... спасибо.

— Слушай, — он наклонился ближе. — Ты... видящая, да?

Я замерла с куском хлеба во рту.

— Что?

— Видящая, — повторил он. — Ты видела мою ауру. Вчера. Когда я терял контроль. Ты видела.

Я молчала. Думала — признаться или соврать.

— Да, — сказала я наконец. — Вижу. С рождения.

Он присвистнул. — Серьёзно? И... как это?

— Как головная боль, — честно ответила я. — Постоянная. Потому что все ауры — как музыкальные шкатулки, которые играют одновременно. И каждая — на свой лад.

Он засмеялся. Впервые за всё время, что я его знала. Смех был тихим, но настоящим.

— Блин, — он покачал головой. — Я думал, это только у меня так. У меня — с аурами. Не с видением. Но — то же самое. Я чувствую эмоции. Особенно — чужие. Это... утомительно.

Я посмотрела на него. Впервые — по-настоящему.

Его аура была мягкой. Тёплой. Без колючек. Без липкости.

Просто — честной.

— Ты... первый демон, который не смотрит на меня как на уродца, — тихо сказала я.

Он моргнул. — Что?

— Ну... — я пожала плечами. — Я — теплокровная. В Академии демонов. Все смотрят на меня как на... мишень. Или как на диковинку. А ты... ты просто разговариваешь.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом — усмехнулся.

— Может, потому что я сам — немного уродец, — он указал на свои уши. Они были чуть острее, чем у обычных демонов. С лёгкой зазубриной на кончике. — Меня в детстве дразнили. Говорили, что я — полукровка. Что моя мать спала с кем-то не той расы.

— И?

— И я научился не обращать внимания, — он пожал плечами. — А потом — понял, что быть «не таким» — это не недостаток. Это — оружие. Потому что когда все смотрят на тебя как на странного — они не замечают, что ты смотришь на них.

Я улыбнулась. Впервые за весь день — по-настоящему.

— Ты мудрый, Лиам.

— Я не мудрый, — он усмехнулся. — Я просто выжил. А это — почти одно и то же.

Мы ели молча какое-то время. Вокруг гудели голоса, зве-

нели приборы. Я чувствовала их ауры — липкие, колючие, любопытные. Но рядом с Лиамом — они казались дальше. Как будто его тёплая аура создавала вокруг нас маленький купол спокойствия.

— Слушай, — он вдруг положил ложку. — Ты работаешь в «У Старого Ворона», да?

Я замерла. — Откуда ты знаешь?

— Я там бываю, — он пожал плечами. — В выходные. Слушаю музыку. Пью эль. И... — он посмотрел на меня. — Вижу там одну девушку. Подают эль в будни. А в выходные — танцуют под шалью.

Моё дыхание перехватило.

— Я... не знаю, о ком ты, — пробормотала я.

— Знаешь, — он усмехнулся. — Я не слепой, Тиша. Я чувствую ауры. И аура той танцовщицы... она твоя. Такая же тёплая. Такая же... честная.

Я молчала. Не знала — признаться или отрицать.

— Не бойся, — он тихо сказал. — Я не скажу никому. Но... будь осторожна. В «У Старого Ворона» бывают разные люди. И не все — добрые.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, — он подмигнул. — Мы же — немного уродцы. Должны держаться вместе.

Я улыбнулась. И впервые за весь день — почувствовала, что в этом городе у меня есть друг.

II. Таверна, или Как я научилась носить поднос, не

роняя его

К вечеру дождь усилился. Я шла по узким переулкам Нижнего Города, прижимая к груди сумку с переодевалкой. Факелы здесь горели тускло, а тени казались живыми — они шевелились, тянулись к тебе, шептали что-то на языке, который я не понимала, но чувствовала.

И я видела нити.

От каждого прохожего. От каждого дома. От каждого факела. Они переплетались, как паутина, создавая единую ткань города. И сквозь эту ткань — тянулась моя нить. Белая. С чёрной внутри. Вверх. В небо.

Я старалась не смотреть на неё. Но глаза сами возвращались.

Таверна «У Старого Ворона» стояла на углу двух улиц, в здании, которое когда-то, наверное, было складом. Стены — из тёмного камня, с высеченными на них символами, которые я не могла прочесть, но которые, я знала, отпугивали нежеланных гостей. Дверь — тяжёлая, дубовая, с медным кольцом в виде вороньего клюва.

Я толкнула её и вошла.

Внутри было тепло, шумно и пахло элем, жареным луком и чем-то ещё — потом, дымом, жизнями. Таверна была набита битком. Демоны низшего ранга, наёмники, торговцы, беглецы — все они сидели за столами, пили, ругались, играли в кости.

И все — все — имели нити.

Я замерла на пороге.

Ауры — густые, перемешанные, как клубок змей. Но теперь я видела не только ауры. Я видела связи. Кто с кем связан. Кто кого любит. Кто кого ненавидит. Кто кого предаст.

Это было... оглушительно.

— Тиша! — рявкнул Гром из-за барной стойки. — Ты опоздала! Переодевайся и выноси поднос!

Гром был огромным демоном с бычьими рогами и руками, толщиной с мои бёдра. И от него тянулась нить. Золотая. Толстая. Она шла... ко мне.

Я моргнула.

— Хозяин... — я подошла ближе. — Вы... связаны со мной?

Он поднял бровь. — Что?

— Ваша аура... от неё идёт нить. Ко мне.

Гром посмотрел на меня. Долго. Потом — усмехнулся.

— Ах вот ты какая, — он оперся локтями на стойку. — Видящая, да?

Я замерла. — Вы... знаете?

— Знаю, — он кивнул. — Думал, ты не заметишь. Большинство людей не замечают. Но ты — не большинство.

Он налил себе кружку эля. Выпил половину.

— Моя жена была видящей, — сказал он тихо. — Покойная. Она видела ауры. Нити. Связи. Говорила, что это — дар. И проклятие.

Я молчала.

— Она умерла десять лет назад, — продолжил он. — Во время Прорыва. Защищала таверну. Защищала — меня.

Он посмотрел на меня. В его глазах была боль. Старая. Глубокая.

— Когда ты вошла сюда в первый раз, — сказал он, — я увидел твою ауру. Белую. Чистую. И я понял — ты видящая. Как она.

— Почему вы не сказали?

— Потому что, — он пожал плечами, — тебе и так тяжело. Ты — теплокровная в Академии демонов. Тебе и так все хотят причинить боль. Зачем добавлять ещё один груз?

Я почувствовала, как у меня щиплет в глазах.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, — он фыркнул. — А теперь — иди. Переодевайся. У нас сегодня полно. И — Тиша?

— Да?

— Будь осторожна, — он посмотрел на меня серьёзно. — В этом городе — не только демоны опасны. Здесь — тени тоже имеют зубы.

Я кивнула. И пошла в подсобку.

Работа подавальщицей в таверне — это не просто носить поднос. Это — искусство. Искусство не смотреть в глаза. Искусство не реагировать, когда кто-то хватает тебя за запястье. Искусство улыбаться, когда тебе хамят. Искусство чувствовать ауры, но делать вид, что ты их не видишь.

Но сегодня — сегодня всё было иначе.

Потому что я видела нити.

И они — говорили.

Не словами. Эмоциями. Намерениями.

Я несла поднос с элем к столу, где сидели трое наёмников.

Их нити были красными — злость, агрессия, желание драться. Но одна — тонкая, серебряная — шла от самого молодого из них. Она тянулась... к девушке за соседним столом.

Он влюблён, поняла я. И боится признаться.

Я поставила кружки. Молодой наёмник посмотрел на меня. Потом — на девушку. Потом — снова на меня.

— Эй, — он тихо позвал. — Ты... видишь что-то?

Я замерла. — Что вы имеете в виду?

— Ты смотришь на меня, — он нахмурился, — как будто знаешь что-то, чего я не знаю.

Я улыбнулась. — Может, я просто хорошо обслуживаю.

Он усмехнулся. — Может быть.

Я пошла дальше. Но краем глаза видела — он посмотрел на девушку. Долго. Потом — встал. И подошёл к её столу.

Через пять минут они уже смеялись вместе.

Я улыбнулась.

Это — дар, поняла я. Я могу видеть, что скрыто. Я могу помогать.

Но потом — я увидела другое.

За столом в углу сидел демон. Крупный. С рогами, как у Грома, но длиннее. Его аура была чёрной — не такой, как у Корнелиуса. Грязной. Липкой. И от него тянулась нить. Тон-

кая. Красная. Она шла... к бармену.

К Грому.

Я замерла.

Что это?

Я присмотрелась. Нить была тонкой. Почти невидимой. Но — настоящей. Она тянулась от груди демона — прямо к горлу Грома.

Он хочет его убить, поняла я. Сегодня. Сейчас.

Я поставила поднос. Подошла к Грому.

— Хозяин, — прошептала я. — За угловым столом. Демон с длинными рогами.

Гром посмотрел. Лицо его не изменилось. Но я увидела, как его пальцы сжались на краю стойки так, что костяшки побелели.

— Что он?

— Он... связан с вами, — я сглотнула. — Красной нитью. К горлу.

Гром сглотнул. — Понятно.

Он потянулся под стойку. Достал что-то. Дубину? Нет. Меч. Короткий. Широкий. С рунами на лезвии.

— Тиша, — он тихо сказал. — Иди в подсобку. Сейчас.

— Но...

— Сейчас, — он посмотрел на меня. В его глазах была сталь. — И не выходи, пока я не позову.

Я кивнула. И побежала.

За дверью подсобки я слышала — крик. Звон стекла.

Рык.

Потом — тишину.

Через минуту дверь открылась. Гром стоял на пороге. В руках — меч. На лезвии — чёрная кровь.

— Он мёртв, — сказал он тихо. — Но придут другие. Его друзья.

— Что... что случилось?

— Он был наёмником, — Гром вытер меч тряпкой. — Кто-то заплатил ему, чтобы убить меня. Забрать таверну.

— Кто?

— Не знаю, — он посмотрел на меня. — Но ты — увидела. Ты — спасла мне жизнь.

Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги.

— Я... просто увидела нить.

— Этого достаточно, — он положил руку мне на плечо. — Ты — дар, Тиша. Не проклятие. Дар.

Я улыбнулась. Сквозь слёзы.

Потому что впервые за долгое время — я почувствовала, что моя способность видеть — нужна. Что она — полезна. Что она — не делает меня уродом.

III. Выходной, или Как я стала Наоми

Суббота.

Я проснулась рано. Солнце — или то, что в Логтирсе считалось солнцем — ещё не встало, но небо уже светлело, становясь из чёрного серым. Я лежала в своей маленькой комнате на чердаке пансиона, который снимала на последние день-

ги, и смотрела в потолок.

Сегодня — выходной. Сегодня — она.

Я встала. Умылась. Приготовила всё заранее.

Чёрное платье. Не то, что в будни. Другое. С глубоким вырезом, с открытыми плечами, с длинной юбкой, которая развевалась при каждом движении. Ткань — тяжёлая, бархатная, цвета полуночи. Я купила его на рынке за две серебряные монеты — все деньги, что были.

Шаль. Серебряная, с монетами по краю. Она закрывала лицо — от лба до подбородка. Видны были только глаза.

Макияж. Густой, тёмный. Чёрная подводка, тени, длинные ресницы. Губы — тёмно-вишнёвые, почти чёрные. Волосы — распущенные, чёрные, с лёгкими волнами.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

Это была не Мартиша. Не Тиша.

Это была Наоми.

Имя, которое я придумала себе сама. Которое никто не знал. Кроме тех, кто видел меня под шалью.

Наоми.

Это имя — не случайное. Это имя, которое мне дал брат. Старший. Тот, который три года назад ушёл из дома. Не умер. Просто — ушёл. Оставил записку: «Прости. Мне нужно исчезнуть». И исчез.

«Слушай, Тиша. Если когда-нибудь ты потеряешься — если мир станет слишком тяжёлым — назовись Наоми. Это наше секретное имя. Оно значит 'моя радость'. И пока ты пом-

нишь это имя — ты не потеряна. Ты — моя».

Он исчез на следующий день.

А я — запомнила.

И теперь, каждый выходной, когда я надевала шаль и становилась Наоми, я — звала его. Как будто он услышит мои песни и вернётся.

Я вышла из пансиона, когда было ещё темно. Прошла по переулкам, избегая главных улиц. Добралась до таверны с чёрного хода — через узкую дверь в переулке, которая вела прямо в подсобку.

Гром уже ждал.

— Наоми, — кивнул он. — Сегодня полно. Будь осторожна.

— Всегда осторожна, — я улыбнулась. Под шалью улыбку не было видно. Но он понял.

Я прошла в зал. Он уже начинал наполняться. Демоны, торговцы, наёмники — все они пришли сюда не только ради эля. Они пришли ради неё. Ради таинственной танцовщицы, чьего лица никто не видел.

Я поднялась на маленькую сцену в центре зала. Музыканты — трое: барабанщик, флейтист и лютнист — уже были на местах. Они кивнули мне.

Музыка началась.

Медленная. Тягучая. Восточная. Барабаны — как сердцебиение. Флейта — как ветер в дюнах. Лютня — как шёпот любовника.

Я начала танцевать.

Я не училась этому. Я просто — чувствовала. Музыка входила в меня через кожу, через кровь, через кости. И выходила — движением.

Руки — как крылья. Бёдра — как волны. Повороты — как вздохи. Я не смотрела на публику. Я смотрела в небо. В туман. В что-то, чего они не видели.

Зал замер.

Двести пар глаз смотрели на меня. Двести аур — замерли. Даже демоны-наёмники, которые обычно ругались и дрались, теперь сидели тихо, с открытыми ртами.

Я была не просто красива. Я была гипнотична. Каждое движение — как заклинание. Каждый поворот — как обещание. Я не танцевала для них. Я танцевала над ними. Как королева. Как богиня. Как та, кого нельзя коснуться.

И только где-то в глубине души я чувствовала — это неправильно.

Потому что под шалью я пряталась. Не от них. От себя.

Я боялась, что если покажу лицо — меня снова увидят как теплокровную. Как слабую. Как жертву. А под шалью я была Наоми. И они видели только меня. Не мою кровь. Не мою расу. Только меня.

Танец закончился. Я опустила руки. Поклонилась.

Зал взорвался аплодисментами.

Я сошла со сцены. Прошла через зал, игнорируя взгляды. И исчезла за чёрной дверью.

IV. Песня, или Как всё началось

Гром налил мне кружку горячего вина.

— Ты сегодня была... другой, — сказал он, садясь напротив. — Что-то в тебе изменилось.

— Что именно?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Как будто ты стала... сильнее. Или опаснее.

Я усмехнулась. — Спасибо, хозяин.

— Это не комплимент, — пробурчал он. — Это предупреждение.

Я молчала. Пила вино. Оно было горячим, сладким, с нотками корицы.

— Спой, — вдруг сказал Гром.

— Что?

— Спой. Ты же умеешь. Я слышал, как ты напеваешь, когда моешь посуду. Голос у тебя... странный. Но красивый.

Я замаялась. Я не пела при людях. Никогда. Но сегодня... сегодня что-то во мне хотело петь. Как будто внутри меня проснулось что-то, что долго спало.

— Ладно, — я поставила кружку. — Только одну.

Гром кивнул музыкантам. Они заиграли тихо, почти неслышно.

Я закрыла глаза. И начала петь.

Это была новая песня. Не та, что я знала. Что-то другое. Что-то, что пришло само. Как будто я знала её всегда. Как будто она жила где-то в моей памяти, в самом дальнем уголке.

ке, и ждала, когда я её выпущу.

*Серебро на моих глазах — Не смотри, кто я, не спрашивай, как. Я — туман, я — дым, я — ничто, Я — то, чего ты не найдёшь.

Монеты звенят — считают грехи, Каждая — чья-то украденная мечта. Я танцую — и мир забывает себя, Я пою — и время останавливается.

Но когда рассвет коснётся земли, Я исчезну. Как будто меня не было. А ты — проснёшься. И не вспомнишь. Только шрам на душе останется...*

Голос был низким, бархатным, с хрипотцой. Он заполнял зал, как дым. Как туман. Как что-то, от чего волосы на затылке вставали дыбом.

Зал замер. Полностью. Абсолютно. Даже музыка стихла. Музыканты смотрели на меня, как замороженные.

Я закончила. Открыла глаза.

Тишина.

Абсолютная. Мёртвая.

Потом — кто-то захлопал. Медленно. Потом — ещё кто-то. Потом — весь зал.

Но я не слышала аплодисментов. Я слышала только своё сердце, которое билось так быстро, что казалось — оно сейчас выскочит.

Что это было?

Что я спела?

Гром смотрел на меня. Его лицо было серым. Пальцы сжи-

мали край кружки так, что костяшки побелели.

— Наоми, — тихо сказал он. — Что это было?

— Не знаю, — честно ответила я. — Я... я не знаю этих слов. Они... пришли сами.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом — отвёл взгляд.

— Иди, — сказал он. — Отдохни. Сегодня ты больше не работаешь.

Я кивнула. Встала. Накинула плащ поверх платья. Вышла через чёрную дверь.

На улице шёл дождь. Мелкий, противный. Я шла по переулку, и слова песни крутились в голове, как заевшая пластинка.

Серебро на моих глазах... Я исчезну. Как будто меня не было... Только шрам на душе останется...

Я дрожала. Не от холода. От чего-то другого. От чего-то, чего я не понимала.

И где-то далеко, за туманом, за серым небом Логтирса, я почувствовала — кто-то услышал.

Кто-то ждал.

ГЛАВА 4. ПОЛУНОЧНЫЙ ШЁПОТ

I. Сон, или Как я попала туда, откуда не хотела уходить

До пансиона я добралась, как в тумане. Поднялась по скрипучей лестнице. Вошла в свою комнату. Разделась. Упа-

ла на кровать, не снимая даже платья.

Я не хотела спать.

Потому что я знала — знала — что если засну — я вернусь. В мир по ту сторону тумана. К Пугаку. К нему.

К тому, чью ауру я чувствовала даже здесь. В Логтирсе. Чёрную. Древнюю. Одинокою.

Но тело было сильнее воли.

Сон пришёл мгновенно. Не как обычно — медленно, как погружение в воду. А как удар. Как падение.

И я упала.

В свет.

Белый. Густой. Тёплый.

Я открыла глаза.

Я стояла на той же улице. В том же платье. С тем же следом на лбу.

Но теперь — я видела.

Нити.

Они были везде. От каждого дерева. От каждой травинки. От каждого камня. Они переплетались, как паутина, создавая единую ткань мира. И сквозь эту ткань — тянулась моя нить. Белая. С чёрной внутри. Она шла... к храму.

Пугак ждал.

Я пошла.

Трава мягко шуршала под ногами. Где-то вдалеке — звон колокольчика. Воздух был холодным, чистым и таким густым, что каждый вдох казался глотком ледяной воды. Пах-

ло хвоей, мокрой землёй и чем-то сладким, как кровь.

Я вышла на холм. Храм стоял на том же месте. Старый. Каменный. С серыми стенами, покрытыми мхом.

Пугак сидел на пороге. Болтал ногами. Колокольчик звенел.

— Ты пришла, — сказал он. — Я знал, что придёшь.

— Я не хотела, — честно сказала я.

— Я знаю, — он спрыгнул с порога. — Но ты — здесь. И это — хорошо.

Я посмотрела на него. — Пугак... что происходит? Почему я вижу нити? В обоих мирах?

Он пожал плечами. — Потому что ты — мост. Между мирами. Твоя песня — открыла дверь. И теперь — ты видишь ткань.

— Какую ткань?

— Ткань реальности, — он подошёл ближе. — Всё, что ты видишь — всё связано. Каждое дерево. Каждый камень. Каждый человек. Каждый дух. Нити — это связи. И ты — теперь видишь их.

— Почему?

— Потому что ты — видящая, — он посмотрел на меня серьёзно. — Но теперь — ты видишь больше. Ты видишь не только ауры. Ты видишь — структуру.

Я закрыла глаза.

В голове крутилось: «Я не просила этого. Я не хотела этого. Я просто...»

— Что мне делать? — прошептала я.

— Учиться, — сказал Пугак. — Учиться контролировать.

Иначе — нити тебя контролируют.

— Как?

— Свитки, — он кивнул на храм. — Внутри — старые свитки. Муданг — шаманы — писали их. Они знали, как видеть. Как плести. Как чинить.

— Чинить?

— Нити, — он посмотрел на меня. — Некоторые — рвутся. Некоторые — гниют. Некоторые — опасны. И ты — можешь их чинить. Или — рвать.

Я посмотрела на храм. На тяжёлую дубовую дверь. На символы, которые я не могла прочесть.

— Покажи, — сказала я.

II. Свитки, которые кусаются

Внутри храма было темно. Пахло сыростью, пылью, воском. И чем-то ещё — старым. Как в библиотеке, где книги не открывали сто лет.

Пугак зажёл свечу. Маленькую. Тонкую. Огонёк дрожал, но не гас.

— Иди за мной, — сказал он.

Мы спустились в подвал.

Там — в сундуке, который пах ладаном и чем-то сладким — лежали свитки.

Одиннадцать.

Кожаные переплёты, потрёпанные, с пожелтевшими стра-

ницами. Написаны на языке, который я сначала не могла прочитать. Но потом — смогла.

Не знаю, как объяснить. Буквы были чужие. Острые. С завитками. Как древние письмена, смешанные с чем-то совсем другим. Но смысл — просачивался. Как будто свитки сами хотели, чтобы я их поняла.

Я села на пол. Развернула первый свиток.

И — увидела.

Не слова. Образы. Знания. Истории.

«В начале была Ткань. И Ткань была едина. И пришли Первые — и разделили её. На миры. На слои. На реальности. И оставили Нити — чтобы держать их вместе. И сказали: "Пока Нити целы — миры целы. Но если Нити порвутся — миры сольются. И погибнут"».

Я моргнула.

— Пугак... это правда?

Он сидел рядом. Смотрел на свиток.

— Да, — тихо сказал он. — Это — история. Не миф. Не легенда. История.

— И... Нити — рвутся?

— Иногда, — он пожал плечами. — Естественный износ. Или — кто-то рвёт. Специально.

— Кто?

— Те, кто хочет хаоса, — он посмотрел на меня. — Те, кто хочет, чтобы миры слились. Чтобы стать богами.

Я почувствовала, как у меня по спине бегут мурашки.

— И... моя песня — рвёт Нити?

Пугак молчал. Долго.

— Не рвёт, — сказал он наконец. — Но — ослабляет. Каждая песня — каждая эмоция — каждое чувство — делает трещину больше.

— И... что будет, если трещина станет слишком большой?

— Миры сольются, — он посмотрел на меня. В его глазах был страх. — И — погибнут.

Я закрыла глаза.

В голове крутилось: «Я не хотела. Я не знала. Я просто...»

— Что мне делать? — прошептала я.

— Учиться, — сказал Пугак. — Учиться плести. Чинить. Держать Нити целыми.

— Как?

— Свитки, — он кивнул на пергамент. — Здесь — всё написано. Но — будь осторожна. Свитки — живые. Они — кусаются.

— Что значит «кусаются»?

— Значит — кусаются, — он усмехнулся. — Некоторые знания — опасны. Если ты не готова — они тебя ранят.

Я посмотрела на свиток. На буквы, которые светились в свете свечи.

— Я готова, — сказала я.

— Посмотрим, — он пожал плечами.

Я развернула второй свиток.

И — вскрикнула.

Боль. Резкая. Как от удара. Как от ожога.

Я уронила свиток. Посмотрела на руки.

На пальцах — ожоги. Маленькие. Красные. Как от прикосновения к раскалённому металлу.

— Я же предупреждал, — Пугак посмотрел на меня. — Свитки — кусаются.

— Почему? — я прижала руку к груди. Боль пульсировала.

— Потому что знание — опасно, — он подошёл ближе. — Некоторые вещи — нельзя знать. Пока ты не готова. Иначе — они тебя сломают.

Я посмотрела на свиток. На буквы, которые теперь казались злыми.

— Что... что я сделала не так?

— Ты открыла не тот свиток, — Пугак поднял его. Осторожно. Как живое существо. — Этот — для тех, кто уже умеет плести. А ты — ещё нет.

— И... что мне делать?

— Начать с первого, — он протянул мне первый свиток. — Тот, который не укусил.

Я взяла его. Осторожно.

Буквы светились. Мягко. Тепло.

Я начала читать.

И — увидела.

Не слова. Образы. Знания. Истории.

«Нити — это не просто связи. Это — жизнь. Каждое су-

щество — имеет Нить. И когда существо умирает — Нить не рвётся. Она — возвращается в Ткань. Чтобы стать частью нового. Чтобы дать жизнь новому. И тот, кто умеет видеть Нити — может плести. Может чинить. Может — создавать».

Я моргнула.

— Пугак... я могу чинить Нити?

— Можешь, — он кивнул. — Если научишься.

— Как?

— Практикой, — он усмехнулся. — И — болью.

Я посмотрела на свои пальцы. На ожоги.

— Больно, — прошептала я.

— Знаю, — он положил руку мне на плечо. — Но — необходимо. Иначе — ты не сможешь защитить ни себя. Ни — меня.

Я закрыла глаза.

В голове крутилось: «Я не хотела этого. Я не просила этого. Но — теперь я здесь. И — я должна».

— Хорошо, — сказала я. — Учи меня.

Пугак улыбнулся. Впервые — по-настоящему.

— Тогда — начнём, — он сел рядом. — С самого начала.

С того, как видеть.

III. Рассвет, или Как я поняла, что всё только начинается

Я проснулась от того, что кто-то стучал в дверь.

Резко. Как удар.

Я села на кровати. Сердце колотилось. В голове — туман.
Запах корицы. Звон колокольчика.

Мир по ту сторону тумана.

Это был сон.

Наверное.

Я посмотрела на руки.

На пальцах — ожоги. Маленькие. Красные. Как от прикосновения к раскалённому металлу.

Они — настоящие.

Я встала. Подошла к зеркалу.

След на лбу — ярче. Он светился. Тонким, серебристым светом. Как нить.

Я провела пальцем по нему. Он не стирался.

— Мартиша! — голос миссис Хэвен из-за двери. — Ты жива? Открывай!

— Иду! — крикнула я.

Оделась. Взяла сумку. Вышла.

На улице шёл дождь. Серый. Противный. Как всегда.

Но я — изменилась.

Я это чувствовала.

Где-то в другом мире, за тонкой тканью реальности, кто-то смотрел на меня.

Кто-то с золотыми глазами.

Кто-то, кто ждал.

И я — не знала, хочу ли я, чтобы он перестал ждать.

ГЛАВА 5. ШЁПОТ БЕЗУМИЯ

I. Визуальный шум, или Как я научилась ходить с закрытыми глазами

Академия Демонического Искусства больше не была просто зданием. Для меня она превратилась в гигантский, пульсирующий организм, опутанный миллионами невидимых для других сосудов.

Я шла по коридору третьего этажа, стараясь не смотреть по сторонам. Это было ошибкой. Стоило мне расслабить фокус, и мир взрывался красками. От каждого студента, от каждой статуи, от каждого факела тянулись нити. Серебряные нити дружбы переплетались с багровыми жгутами соперничества. Тонкие, почти прозрачные паутинки страха тянулись от первокурсников к старшим.

Каждая нить звенела. Не звуком — ощущением. Как будто кто-то проводил мокрой тряпкой по стеклу внутри моего черепа.

Я прижалась спиной к холодной стене, чувствуя, как камень проступает сквозь ткань платья. Камень был живым — я видела, как от него тянутся тонкие серые нити к фундаменту, к земле, к самому городу. Он держал Академию, как старик держит посох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.